

Владимир Николаевич
ВОЙНОВИЧ
1932–2018

Владимир
ВОЙНОВИЧ

Москва 2042

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В 65

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-17759-8

© В. Н. Войнович, наследники, 2020
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу я не перечитывал с тех пор, как написал. Теперь, через 27 лет после публикации, перечитал. Какие-то фразы убрал, другие поправил, что касается персонажей или явлений, воспринимаемых читателем как предсказанные, их я, естественно, не трогал, потому что они интересны только как увиденные с дальней дистанции. Перечитывая текст, я споткнулся на сказанном одним из персонажей слове «дерьмократия» и удивился. Я-то думал, что оно из лексикона более позднего времени, и полез в Википедию. Прочел: «Дерьмократия — оскорбительно-бранный термин публицистики... Одним из первых начал его употреблять леворадикальный политик и публицист Юрий Мухин...» Но там же замечено: «Встречается в написанной в 1986 году книге Владимира Войновича «Москва 2042». Так что у меня появился шанс претендовать на некий сомнительный приоритет.

1986-й — это год выхода книги из печати, но первые главы были написаны за четыре года до того. Тогда страна наша еще называлась Советским Союзом и управлялась единственной партией, руководящий штаб которой, Политбюро ЦК КПСС, состоял из марзмирующих старцев во главе с доживавшим свой век тщеславным и впавшим в детство Леонидом Ильичом Брежневым. Его было так много на телевизионных экранах, что остряки придумали для телепрограмм обобщающее название «Все о нем и немного о погоде».

Чуть ли не каждый день первой новостью была церемония награждения. Или Брежнев награждал кого-то каким-то орденом, или заместители Брежнева награждали его самого. Те же остряки утверждали, что если Брежнев наденет на себя все ордена, то он под их тяжестью просто рухнет. Тогда большинство советских людей были уверены, что советская власть — это навечно.

Мало кто понимает, что мы существуем в истории, и мало у кого вообще хватает воображения на то, что когда-то все будет не так, как сейчас. Коммунистическая идеология была идеологией воинствующего атеизма. Все восемнадцать миллионов членов КПСС при вступлении в партию торжественно обещали бороться с религией и религиозными предрассудками. Кто тогда мог сказать, что наша страна православная? Никто.

Советское государство, казалось, еще крепко стоит на ногах. Промышленность продолжала выпускать в больших количествах танки и самолеты, Мировой океан бороздили ядерные подводные лодки, всесильный Комитет госбезопасности выжигал крамолу, и трудно было представить себе, что это огромное, мощное и страшное государство приближается к концу своего существования. Хотя признаки, и вполне очевидные, были. Страна производила много пушек, танков и самолетов, но хлеб закупала в Америке, сливочное масло — в Финляндии, туалетную бумагу — в Польше, все было дефицитом. Вожди Советского Союза призывали молодежь не соблазняться западными танцами и джинсами и объявили курс на тотальную экономию всего. В столовых и ресторанах четверг был объявлен рыбным днем, то есть ничего мясного посетители не получали. Людей призывали засохший и заплесневевший хлеб после какой-то обработки употреблять в пищу, пищевые отходы (если они были) выставлять в спе-

циальных ведрах на лестничную площадку для дальнейшего использования. Каждому внимательному наблюдателю было ясно, что если страна будет развиваться дальше в том же направлении, то полное обнищание народа неотвратимо.

Страной руководили в основном старые малообразованные люди. Чтобы управлять современным государством, они нуждались в более подготовленных помощниках, и около них в конце концов скапливались советники по всем вопросам, переводчики, спичрайтеры и сочинители их мемуаров, люди, окончившие элитные учебные заведения вроде Института международных отношений и Высшей школы КГБ. Эти люди были хорошо образованны, владели иностранными языками, лучше представляли реальную ситуацию в стране и в мире. Влияние этих людей на внутреннюю политику постепенно росло, и можно было себе представить, что управление страной когда-нибудь перейдет к ним.

Все большую роль в обществе играла религия. Люди, разочаровавшись в коммунистической идеологии, в поисках новой духовной опоры тянулись в церковь. Партийные начальники смотрели на это сквозь пальцы, тем более что многие из них сами тайно венчались и крестили своих детей. Наблюдая эти тенденции, я предполагал, что в не очень отдаленном будущем партия, КГБ и церковь сольются в каком-то симбиозе. Отсюда были эти и другие перемены в жизни страны, которые, как мне думалось, могут в не очень отдаленном будущем наступить.

Я помнил еще и о том, что наша страна и российский народ склонны к обольщению какой-нибудь личностью, человеком, мудрым, непогрешимым, строгим, но справедливым, воплощающим в себе высокие достоинства при полном отсутствии недостатков. Такими

людьми в свое время воспринимались Ленин и Сталин, а в наше время из живых кандидатов на такую роль претендовал Александр Исаевич Солженицын. Когда я писал свой роман, культ его личности в определенной среде достиг накала, ставшего признаком массового помешательства. Ему приписывались все положительные качества, которые в пределах одной личности помещаться не могут. Всякая критика его текстов, мыслей и поступков встречалась в штыки и воспринималась как покушение на самое святое. Это выглядело страшновато и смешно.

Когда я написал «Москву 2042», прочитавшие роман разделились на две группы. Одни встретили книгу весьма благожелательно. Другие — крайне враждебно. Фанаты Солженицына никак не могли мне поверить, что, выводя фигуру Сим Сымыча Карнавалова, я намеревался высмеять не столько предполагаемого прототипа, сколько склонность (по моему мнению, пагубную) нашего общества так легко творить себе кумиров и бездумно идти за ними. Я подвергся поношениям, превзошедшим по своей ярости обвинения, которые предъявлялись мне когда-то в СССР. Атаки на меня продолжались несколько лет, постепенно стихая по мере угасания интереса к Солженицыну как культурной фигуре. Но в то же время росло количество читателей, которые замечали, что многое из того, что написано в книге почти тридцать лет назад, странным образом сбывается, а для того, что пока не сбылось, у нас есть еще почти тридцатилетний запас времени. Я надеюсь, что читателям, которые прочтут мой роман впервые, он тоже будет небезынтересен.

Часть первая

***Разговор
за кружкой пива***

Этот разговор произошел в июне 1982 года.

Место действия: Английский сад, Мюнхен.

Мы сидели в пивной на открытом воздухе. Мы — это я и мой знакомый, которого зовут Рудольф, или, короче, Руди. А фамилию его русскому человеку запомнить вообще невозможно. Не то Миттельбрехенмахер, не то Махенмиттельбрехер. Что-то в этом духе, но это не важно. Я лично зову его просто Руди.

Мы сидели друг против друга, и Руди слегка загроживал мне общий обзор. Но, скосив глаза чуть правее, я видел перед собой отливавшее свинцом сонное озеро, по берегу которого, переваливаясь с ноги на ногу, медленно прохаживались жирные гуси и голые немцы. То есть, скорее всего, не только немцы, но и эксгибиционисты всех стран и народов, которые, пользуясь попустительством здешней полиции, слетаются в Мюнхен со всего мира, чтобы на людей посмотреть и себя показать.

Мы пили пиво из литровых кружек, которые здесь называются масс.

Я, правда, точно не знаю, это сама кружка называется масс или порция пива, которая помещается в кружке. Впрочем, это не важно. Важно то, что мы сидели в пивной, пили пиво и говорили о чем попало.

Начали мы, кажется, с лошадей. Потому что этот Руди — коннозаводчик. Он выращивает, покупает и про-

дает лошадей. Я с ним, между прочим, на почве лошадей и познакомился.

Выполняя одно деликатное поручение. Поручение состояло в том, чтобы приобрести и переправить в Канаду жеребенка благородной породы и обязательно белой масти. Помнится, я тогда удивлялся, почему жеребенка надо покупать здесь, а не в самой Канаде. Или в любой стране на том континенте.

Когда я задал такой вопрос Руди, он надо мной очень долго смеялся. Он мне сказал, что во всем мире разводят много лошадей, которых называют белыми исключительно по невежеству. На самом деле они в подавляющем большинстве бывают белыми с желтым, розовым, серым, синим или иным отливом. Но истинно белые лошади рождаются и разводятся только в одной-единственной местности на всей земле. Эта местность называется Камарг и находится во Франции, в устье Роны.

Выбирать жеребенка мы ездили на роскошном Рудином «Ягуаре», напичканном всякой электроникой, которую Руди обожает даже больше, чем своих лошадей. У него весь дом оборудован по последнему слову самой что ни на есть ультратехники, на которую он каждый год тратит миллионы со своих лошадиных сделок. Какие-то компьютеры, телерадиокомбайны, автоматические двери и еще что-то в этом духе. Свет в его кабинете с наступлением темноты сам по себе включается, но только в том случае, если в кабинете кто-нибудь есть. Если хозяин выходит из кабинета, свет немедленно гаснет. (Руди утверждает, что благодаря этому устройству он экономит на электричестве не менее четырех марок в месяц.) Само собой, у него есть музыкальный компьютер, на котором можно играть, как на органе, скрипке, ксилофоне, балалайке и на множестве других инструментов по отдельности и вместе.

Так что один человек одним пальцем может исполнять произведения, которые раньше были доступны только большим оркестрам.

Руди так увлечен этой техникой, что, кажется, ничего не читает, кроме технических журналов и фантастики. Он даже моих книг не читал, хотя держит их на видном месте и своим лошадиным знакомым всегда хвастается, что у него есть такой вот необычный друг — русский писатель.

Мне он говорит (не читая), что я пишу слишком реалистично, а реализм — это вчерашний день литературы. Честно говоря, меня такие вздорные суждения просто бесят, и я Руди всегда говорю, что его лошади тоже вчерашний день. Но если даже лошади еще кому-то нужны, то и в литературе, изображающей реальную жизнь людей, тоже потребность пока еще не отпала. Людям о самих себе читать гораздо интереснее, чем о каких-то там роботах, киборгах или марсианах.

Я ему это как раз в пивной, где мы сидели, сказал. На что Руди, снисходительно усмехаясь, предложил мне сравнить тиражи моих книг с тиражами любого средней руки фантаста.

— Фантастика, — сказал он самоуверенно, — это вообще литература будущего.

Этим утверждением он вывел меня из себя. Я заказал второй масс и сказал, что фантастика, как и детектив, это вообще не литература, а чепуха, вроде электронных игр, которые способствуют развитию массового идиотизма.

Жаркое солнце, холодное пиво и общий строй здешней жизни не располагают к страстному спору. Руди возражал лениво, не поддаваясь моему возбуждению, и вспомнил Жюль Верна, который, мол, в отличие от реалистов, предсказал многие научные достижения нашего времени, включая путешествие человека на Луну.

Я отвечал, что предвидеть научные достижения вовсе не задача литературы, а в предсказаниях Жюль Верна ничего оригинального нет. Всякий человек когда-нибудь воображал себе и полеты в космос, и плавание под водой, во многих старинных книгах подобные чудеса были описаны задолго до Жюль Верна.

— Возможно, — согласился Руди. — Однако фантасты предвидели не только технические открытия, но и эволюцию современного общества к тоталитаризму. Возьми, например, Оруэлла. Разве он не предсказал в деталях создание той системы, которая существует сегодня у вас в России?

— Конечно, не предсказал, — сказал я. — Оруэлл написал пародию на то, что существовало уже при нем. Он описал идеально действующий тоталитарный механизм, который в живом человеческом обществе существовать просто не может. Если взять Советский Союз, то его население проявляет лишь внешнее послушание режиму и в то же время абсолютное презрение к его лозунгам и призывам, отвечая на них плохой работой, пьянством и воровством, а так называемый Старший Брат — предмет общих насмешек и постоянная тема для анекдотов.

Должен заметить, что с западными людьми спорить совершенно неинтересно. Западный человек, видя, что собственная точка зрения собеседника очень ему дорога, готов тут же с ней согласиться, чего совершенно не бывает у нас.

Наш спор с Руди сам по себе как-то увял, а мне хотелось его подогреть. Поэтому я сказал, что фантасты выдумали много такого, что сбылось, но выдумывают также и то, что не сбудется никогда, например путешествия во времени.

— Да? — сказал Руди, закуривая сигару. — Ты действительно думаешь, что путешествия во времени совершенно невозможны?

— Да, — сказал я. — Именно так и думаю.

— В таком случае, — сказал он, — ты очень ошибаешься. Путешествия во времени уже перешли из области фантастики в область практики.

Само собой разумеется, наш разговор шел на немецком языке, в котором я тогда, в 1982 году, был еще не очень силен (сейчас я в нем тоже силен не очень). Поэтому я спросил Руди, правильно ли я его понял, что уже сегодня можно при помощи каких-то технических средств перебраться из одного времени в другое.

— Да, да, — подтвердил Руди. — Именно об этом я тебе и толкую. Уже сегодня ты можешь пойти в райзебюро¹, купить за определенную сумму билет и на машине времени отправиться в будущее или прошлое, куда тебе больше нравится. Между прочим, такая машина существует пока только у нас в Германии, у компании «Люфтганза». Кстати сказать, техническое решение очень простое. Это обыкновенный космоплан вроде американского шаттла, снабженный, однако, не только простыми ракетными, но и фотонными двигателями. Космоплан достигает сначала первой, потом второй космической скорости, после чего включаются фотонные двигатели. С их помощью машина развивает околосветовую скорость, и тогда время для тебя останавливается, а на Земле идет, и ты попадаешь в будущее. Или аппарат развивает сверхсветовую скорость, и тогда ты опережаешь время и попадаешь в прошлое.

Я уже накачался пивом и немного опьянел, но все же еще не одурел. И я сказал Руди:

— Знаешь что, ты мне брось все эти глупости говорить. Ты очень хорошо знаешь — это еще Эйнштейн доказал, — что не только сверх-, но и просто световой скорости достичь вообще невозможно.

¹ Reiseburo — бюро путешествий (нем.).

На что Руди вышел наконец из себя, выплюнул сигару, стукнул по столу пустой кружкой, чего я от него, такого уравновешенного, не ожидал.

— То, что сказал твой Эйнштейн, — заявил Руди, — давно устарело. Евклид говорил, что через точку, лежащую вне прямой, можно провести только одну параллельную, и был прав, а Лобачевский сказал, что можно провести две или больше, и оба оказались правы. Эйнштейн сказал, что невозможно, и был прав, а я говорю, что возможно, и я тоже прав.

— Слушай, слушай, — сказал я ему, — не надо так сильно задаваться. Я тебя, конечно, уважаю (я, когда выпью, всех уважаю), но ты все-таки еще не Эйнштейн.

— Ну да, — согласился Руди. — Я действительно не Эйнштейн. Я — Миттельбрехенмахер, но я тебе должен сказать, что и Лобачевский был не Евклид.

Видя, что он так сильно разволновался, я ему тут же сказал, что меня, в конце концов, мало волнует, кто из них (Эйнштейн, Лобачевский, Евклид или Руди) умнее, я современной техникой готов пользоваться практически, а на основе каких она законов построена, мне даже неинтересно. И в самом деле. Вот эти свои записки я сейчас пишу на компьютере. Я нажимаю кнопки — на экране возникают слова. Несколько простейших манипуляций, и те же слова отпечатываются на бумаге. Если я захочу поменять какие-то абзацы местами, машина немедленно исполнит мою волю. Захочу во всех случаях поменять фамилию Миттельбрехенмахер на Махенмиттельбрехер или на Эйнштейн, машина и это для меня сделает. Я ежедневно пользуюсь электробритвой, радиоприемником или телевизором. Неужели я должен обязательно знать, на основе каких теорий все эти штуки работают?

Я спросил Руди, летал ли он сам на машине времени. Он сказал, что летал и с него хватит. Он однаж-

ды хотел посмотреть в Древнем Риме бой гладиаторов, так его самого вывели на арену. И он еле-еле унес оттуда ноги. С тех пор он всякие такие чудеса предпочитает смотреть по телевизору или читать о них книги.

Конечно, я ему не очень-то поверил. Но он мне сказал, что в реальной возможности путешествий во времени я могу легко убедиться. Для этого мне надо только посетить его знакомую фройляйн Глобке, которая работает в райзебюро на Амалиенштрассе, пять.

— Правда, — сказал Руди, — совершить путешествие практически тебе все равно вряд ли удастся.

— Почему же все равно, почему же вряд ли? — спросил я. — Ты же сам говоришь, что оно из области фантастики перешло в область практики.

— Да, — усмехнулся он. — Да, это правда. Но цена билета еще из области фантастики в область доступности не перешла. Да и зачем тебе куда-то лететь и подвергать себя ненужному риску? Ты же не авантюрист.

Эта последняя фраза говорит только о том, что Руди плохо знал меня. Я именно авантюрист.

ФРОЙЛЯЙН ГЛОБКЕ

Обстановка в райзебюро на Амалиенштрассе была самая обыкновенная. Множество красочных плакатов и проспектов, предлагающих желающим осмотреть египетские пирамиды, исландские гейзеры, норвежские фьорды, погреться на Багамских островах, скатиться на лыжах со склонов Швейцарских Альп или совершить путешествие на знаменитом океанском лайнере «Королева Елизавета Вторая».

Я спросил фройляйн Глобке, и мне указали на рыжеватую, с веснушками девушку в углу, отгороженном экраном компьютера.

Честно говоря, я в последний момент порядочно оробел. Я подумал, что этот гад Руди, конечно же, меня разыграл и сейчас все райзбюро сбежится, чтобы поржать над одураченным иностранцем. Но когда я сказал фройляйн Глобке свою фамилию и цель своего прихода, она, к моему удивлению, а отчасти все же и изумлению, нисколько не удивилась и смеяться не стала. Да, сказала она, у них действительно есть возможность отправить любого своего клиента в любое время и в любое место на планете Земля, и она, фройляйн Глобке, готова выслушать мои пожелания.

Пожелание мое, с ее точки зрения, было довольно скромным. Я хотел бы попасть в Москву через 50 лет, то есть в Москву 2032 года.

— Хорошо, — сказала фройляйн и стала тыкать своими наманикюренными пальчиками в кнопки компьютера.

На экране запрыгали какие-то буквы и цифры, фройляйн Глобке посмотрела на них, поцокала языком, повернулась ко мне и развела руками.

— Ага, значит, у вас все-таки этого нет? — обрадовался я возможности посадить Руди в лужу.

— К сожалению, — сказала смущенно фройляйн. — На этот рейс все билеты проданы. Но если вы согласитесь полететь на шестьдесят лет вперед...

— Ну какая мне разница! — перебил я ее. — Десять лет больше, десять меньше, это не важно.

— Прима! — сказала фройляйн и, лучезарно улыбаясь, сообщила, что я сделал правильный выбор, придя именно к ним. Потому что они пока единственное в Европе райзбюро, организующее поездки подобного рода. Если меня интересует способ передвижения...

— Извините, — перебил я ее нетерпеливо, — способ передвижения мне уже приблизительно известен, мне его достаточно подробно объяснил херр Махенмиттельбрехер.

— Миттельбрехенмахер, — вежливо поправила она.

Я поблагодарил за поправку и сказал, что меня интересует не теоретическая основа, а практические условия полета. Как там насчет состояния невесомости, и вообще, не слишком ли сильно качает?

— Дело в том, — объяснил я, — что, когда я выпью, меня иногда очень сильно укачивает даже на земле.

— О, насчет первого, — улыбнулась фройляйн, — вы можете совершенно не беспокоиться. Наша электронная система искусственной гравитации вне всякой конкуренции. А вот насчет укачивания ничего сказать не могу. А вы не могли бы на время полета воздержаться от употребления крепких напитков?

— Что? — переспросил я. — Шестьдесят лет воздержания? Фройляйн, вы хотите от меня слишком многого.

— Ну что вы! — горячо возразила фройляйн. — О таком долгом сроке нечего и говорить. Это на земле пройдет шестьдесят лет. А для вас это будет всего три часа. Как обыкновенный полет из Мюнхена в Москву.

— Ну да, — сказал я. — Это конечно. Это я понимаю. Для меня там пройдет только три часа. Но на самом-то деле пройдет шестьдесят лет. И за шестьдесят лет ни капли?

— Ну что вы! Что вы! — Фройляйн так разволновалась, что у нее веснушек стало вдвое больше. — Почему же ни капли? В конце концов, пить или не пить — это ваше личное дело. Кстати сказать, в этом полете напитки пассажирам выдаются в неограниченном количестве и, разумеется, бесплатно.

— Это другое дело, — сказал я. — Что же вы мне сразу-то не сказали, что напитки бесплатно? Если бесплатно, тут и обсуждать нечего. Пишите: один билет туда и через месяц обратно, место для пьющих и курящих, желательно у окна.

— Хорошо, — кивнула фройляйн. — Однако должна вас предупредить, что наша фирма обратного возвращения не гарантирует. Мы, конечно, сделаем все, что от нас зависит, но мы не знаем, какие там будут в то время политические условия. Разумеется, консул нашей страны будет всегда к вашим услугам, но, между нами говоря, кто может поручиться, что через шестьдесят лет наша страна будет еще существовать и будет иметь консулов?

Ну да, конечно, подумал я, за шестьдесят лет может произойти что угодно. Но я же для того и лечу, чтоб узнать, что там именно произойдет.

— Ладно, — сказал я. — Чего уж там. Возвращения вы гарантировать не можете. Но если вы гарантируете бесплатные напитки, то все равно пишите.

Я дал ей свой паспорт. Тонкие пальчики фройляйн Глобке забегали по клавиатуре компьютера, словно исполняя неслышимую музыку букв и цифр. На экране появились мои имя, фамилия, номер паспорта, номер и дата рейса, потом еще какие-то цифры, которые как-то прыгали, сами между собой весело перемножаясь. Наконец цифры замерли, выстроившись в такое число: 4 578 843,00.

— Билет в два конца, — прочитала фройляйн, — стоит ровно четыре миллиона пятьсот семьдесят восемь тысяч восемьсот сорок три марки.

— Ого! — сказал я.

— Но если вы внесете наличными, мы предоставим вам десятипроцентную скидку, и тогда вся ваша поездка обойдется вам всего... — Она пошевелила пальчиками, цифры опять попрыгали и изобразили новое число: — Четыре миллиона сто двадцать тысяч девятьсот пятьдесят восемь марок и семьдесят пфеннигов.

— Это уже другое дело, — сказал я.

— Кроме того, в случае вашего невозвращения в течение трех месяцев семьдесят пять процентов стоимости обратного билета будут возвращены вашим наследникам.

— Ну это совсем хорошо, — заметил я. — Правда, у меня все равно таких денег в наличии пока не имеется, но я очень надеюсь, что мне поможет херр...

— Миттельбрехенмахер, — подсказала фройляйн Глобке.

Вот люди! Почему они всегда лезут со своими подсказками? Неужели эта фройляйн думает, что я без нее не мог бы вспомнить фамилию своего лучшего друга?

ТРИ МИЛЛИОНА ЗА РЕПОРТАЖ

Конечно, на Руди я рассчитывал совершенно напрасно. Когда я позвонил ему из автомата, он сказал, что с удовольствием одолжил бы мне необходимую сумму, но, к его великому сожалению, он сам сейчас испытывает некоторые финансовые затруднения. Дело в том, что последние шесть миллионов он потратил на двух вывезенных из Саудовской Аравии жеребцов, один из которых как раз вчера сломал ногу. Так что три миллиона тю-тю.

Как я потом узнал, вся эта история про сломанную ногу была чистым враньем. Руди просто побоялся одолжить мне деньги. Миллионеры, как я заметил, вообще люди прижимистые.

Домой я вернулся отчасти расстроенный, отчасти успокоенный. Не получилось, значит не получилось. Не судьба. Может, так и лучше. В конце концов, мне уже сорок лет, возраст, достигнув которого от авантюры пора по возможности уклоняться.

Что касается моей жены, то она таким развитием событий была, как я заметил, очень даже довольна.

Потому что я какой ни на есть, а все-таки муж. И если я где-нибудь в отдаленном этом будущем почему-то застряну, то еще неизвестно, найдет она себе другого такого же или нет.

Жена настолько расчувствовалась, что за ужином даже предложила мне выпить, чего обычно не делает. Я, понятно, долго упрашивать себя не заставил. Первую рюмку я выпил с женой, вторую и третью, когда она вышла к телефону, а четвертую опять с ней.

— Да, — сказал я, — а все-таки жаль, что не получилось. Очень хотелось бы посмотреть.

— Что там смотреть? Ты думаешь, там за это время что-нибудь изменится?

— За шестьдесят-то лет? — спросил я. — Неужели ты думаешь, что за шестьдесят лет ничего не произойдет?

Тогда она мне напомнила рассказ нашего соседа, который недавно умер. Когда-то он сюда приехал из России с семьей и не хотел распаковывать чемоданы. «Скоро большевиков прогонят, — говорил он, — и нам придется ехать обратно. Зачем же делать двойную работу: распаковываться и опять паковаться?»

Опять зазвонил телефон. Как только жена вышла, я тут же хлопнул еще одну рюмку водки, но не успел наполнить вторую — жена вернулась.

— Тебя какой-то американец, — сказала она. Американец оказался корреспондентом журнала «Нью Таймс». Он спросил, не могу ли я его принять завтра по срочному делу. На мой вопрос, что еще за срочные дела, он ответил, что это не телефонный разговор. (А еще говорят, что только в Советском Союзе люди боятся говорить по телефону.)

— Хорошо, — сказал я, — приезжайте, только не раньше десяти. Я долго работаю и поздно встаю.

— О'кей, — сказал он и повесил трубку. Вот говорят, американцы развязные. Я этого не нахожу. Боль-

шинство из всех встреченных мною в жизни американцев воспитанны, деликатны, скромно, но опрятно одеты и очень приветливы. Конечно, они иногда кладут ноги на стол, но меня лично это совсем не шокирует. Они расслабляются, или, как они сами говорят, релаксируют. Ну и правильно. Релаксировать полезно для здоровья. А рефлексировать, как это делаем мы, вредно. Я тоже иногда кладу ноги на стол, но никакого релакса не получается, мы к нему не приучены.

На другое утро ровно в десять в дверь позвонили.

Открыв дверь, я увидел высокого стройного человека в голубоватом костюме, с темными, зачесанными на косой пробор волосами.

— Господин Мак..? — начал я, забыв продолжение его ирландской фамилии.

— Зовите меня просто Джон, — сказал он и улыбнулся.

Я пригласил его в гостиную и предложил кофе.

— Виталий, — сказал он, — у меня к вам большая просьба. Вы выслушаете мое предложение, а потом, независимо от того, примете его или нет, о нашем разговоре не будете никому сказать.

— Вы из ЦРУ? — спросил я.

— Нет, что вы! Я из «Нью Таймс», как и сказал. Но все-таки мне бы хотелось...

— Хотите, чтобы я поклялся на Библии?

— Это не есть обязательно, — улыбнулся он. — Мне достаточно вашего слова. Я слышал, что вы собираетесь идти в Советский Союз две тысячи какого-то года.

— Как вы узнали? — удивился я. — Я ведь об этом никому не рассказывал.

— Не беспокойтесь, я тоже не расскажу никому.

— Вы можете рассказывать кому угодно, потому что я никуда не еду. Билет в два конца стоит...

— Я все знаю, — перебил он. — Но если дело только в цене билета, наша фирма все расходы берет на себя.

— Все расходы? — переспросил я недоверчиво. — Четыре с лишним миллиона марок? Да это почти два миллиона долларов.

— И еще миллион вы получите в виде гонорара за подробный репортаж о вашей поездке.

— Три миллиона долларов за какой-то репортаж?

Он усмехнулся:

— Виталий, вы, я вижу, еще не совсем освоились на Западе. Это не какой-нибудь репортаж. Это сенсация века. Или даже двух веков. Возможно, она стоит дороже, но наше финансовое положение сейчас не на самом лучшем уровне.

Я обещал Джону подумать. Он оставил мне свою визитную карточку и, не допив кофе, ушел.

РАЗГОВОР С ЧЕРТОМ

Глубоко ошибается тот, кто думает, что на мое решение хоть сколько-нибудь повлияли бешеные деньги, которые у меня появилась возможность заработать. Не буду утверждать, что я к деньгам равнодушен, но могу сказать определенно, что только ради денег я никогда не рискнул бы ни одним своим волосом.

И пожалуй, я оставил бы просьбу Джона без удовлетворения, но тут проснулся во мне мой черт, который с тех пор, как в меня вселился, только о том и думает, как бы подбить меня на какую-нибудь авантюру. Иногда он перегибает палку, и тогда я давлю его в себе без малейшей жалости. Он затихает и некоторое время не подает никаких признаков жизни. В эти периоды я веду себя почти идеально: воздерживаюсь от питья и курения, дорогу перехожу только на зеленый свет, веду машину, подчиняясь всем дорожным знакам, а за-

работанные деньги отдаю жене до копейки. В такие дни все знающие меня не могут нарадоваться. Одет с иголочки, умыт, выбрит, подстрижен и к тому же исключительно со всеми любезен.

Но наступает время, черт пробуждается и начинает нудить:

— Ну что ты встаешь? Еще рано, обед еще не готов, можешь поспать. Спешить некуда, все равно когда-то помрешь. Умываться сегодня не нужно, ты это делал вчера. Полежи, покури, наполни легкие дымом. Вон они, твои сигареты, на тумбочке.

Черт мой такой настойчивый, я не всегда могу перед ним устоять.

Я вытряхнул из пачки сигарету, чиркнул зажигалкой, затянулся.

— Bravo! — воскликнул черт. — Рак — лучшее средство против курильщиков.

Это его любимое изречение.

— Дурак! — сказал я ему. — Тебе надо не во мне сидеть, а работать в обществе по борьбе с курением.

Затягиваясь дымом «Мальборо», я стал думать о предложении Джона.

Предложение было заманчиво, но все-таки, пожалуй, не для меня. Куда я поеду? Что меня там ждет, в этом далеком будущем? Может быть, какие-то ужасные передраги. А я ведь не мальчик. Я солидный семейный человек, мне вот-вот (неужели правда?) стукнет сорок. Пора успокоиться и остепениться. Избегать излишних волнений, стрессовых ситуаций и сквозняков. Надеть халат, заварить некрепкий чай, ну, в крайнем случае, выкурить трубку и сидеть себе за письменным столом, сочиняя какой-нибудь роман с плавно развивающимся сюжетом.

— Из всех человеческих пороков самым отвратительным является благоразумие, — сказал черт.

— Пошел вон! — сказал я. — Не суйся не в свое дело. Ты мне надоел.

— Ты мне тоже, — сказал черт. — Особенно в такие минуты, когда ты становишься добродетельным. Слушай, слушай, — зашептал он, — ты же хорошо знаешь, что благоразумие неблагоразумно. Сегодня ты боишься простудиться, а завтра на тебя кирпич упал, и тогда какая разница, был ты простужен или нет? Ну что ты колеблешься? Тебе такая удача выпадает, воспользуйся! Поедем посмотрим, что там ваши коммунисты на-выдумывали за шестьдесят лет.

— А ты любишь коммунистов? — спросил я насмешливо.

— Ну а как же! — закричал черт. — Как же их не любить? Они ведь тоже вроде чертей, всегда что-нибудь веселое придумают. Слушай, ну давай поедем, я тебя очень прошу.

— Ладно, — сказал я. — Допустим, я поеду. Но это будет последняя авантюра, в которую ты меня втравливаешь.

— Прекрасно! — зааплодировал черт. — Замечательно! Вполне даже возможно, что она будет последняя.

— Идиотина! — сказал я ему. — Чему радуешься? Если со мной что-нибудь случится, что ты без меня будешь делать?

— Да-да, — сказал черт печально. — Признаюсь, мне тебя будет ужасно не хватать. Но, честно говоря, я бы предпочел тебя видеть мертвым, чем благоразумным.

— Заткнись! — сказал я. — И не мешай мне думать.

— Затыкаюсь, — сказал черт смиренно и затих, понимая, что свое дело он сделал.

И хотя я сказал Джону, что мое решение вряд ли будет положительным и что я позвоню ему не раньше чем недели через полторы, я позвонил ему уже через три дня и сказал: ДА.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Часть первая

РАЗГОВОР ЗА КРУЖКОЙ ПИВА

Фройляйн Глобке	17
Три миллиона за репортаж	21
Разговор с чертом	24
Слежка	27
Похищение	28
Неожиданная встреча	32
Гавайские острова	37
Звонок из Торонто	46
Новый Леонардо да Винчи	49
Гений из Бескудниковва	57
Вожак и стадо	63
Лирическое отступление о бороде	68
Жених	70
У вас есть айденфикайшен?	73
В усадьбе	76
На белом коне	82
Секс-бочка	98
Хорошо	101
Долгие провода	105
Лицо в иллюминаторе	107

Часть вторая

ПОЛЕТ

Видение	119
Бортовой номер — 38276	122
Сердечная встреча	128

Кабесот	148
В кольцах враждебности	155
Вторичная проверка	161
На троих	171
Клятва	177

**Часть третья
НАСЛАЖДЕНИЕ ЖИЗНЬЮ**

Пробуждение	189
Длинноштанный	191
Свинина вегетарианская	200
Дворец любви	204
Внубез	211
Как пахла мама	216

**Часть четвертая
СЛАВА**

Первые дни	227
Августовская революция	230
Как построили коммунизм	232
Комуняне	235
Москореп	236
Церковь	238
О семье и браке	239
Воспитание комунян	240
Безбумлит	242
Первичное вторично	252
Раскрытие тайны	255
Дзержин	264
Чудное мгновенье	269
Бумлит	273

**Часть пятая
В КРЕМЛЕ**

Наместник Гениалиссимуса	289
Книга, которую я не писал	292

Новое о Симе	294
Прогулка	301
Степанида Зуева-Джонсон	303
Донесения Степаниды	307
Откровения Дзержина	311
Тайна медальона	315
Роман	317
Эдисон Ксенофонович	322
Инсоночел	327
Несгибаемый	333
Супик	337
Эликсир	341
У Эдика	346
Унылая пора	352
Пропажа	354
Творческий Пятиугольник	358

Часть шестая

ГОСТИНИЦА «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ»

Бойкот	373
Бойкот <i>(Продолжение)</i>	376
«Даллас»	380
Тайная вечеря	389
Разговор с Дзержином	392
Юбилей	393
Конец Эдисона	399

Часть седьмая

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Гениалиссимус	415
Ночная беседа	417
Высочайший манифест	423
С вещами	426
Искрина	432
Царь Серафим	435
Эпилог	439

Войнович В.

В 65 Москва 2042 : роман / Владимир Войнович. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 448 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-17759-8

Владимир Войнович — один из самых интересных российских писателей второй половины XX века, создатель обаятельного и неказистого советского солдата Ивана Чонкина. Трилогия «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» давно стала классикой, ее можно поставить в один ряд с самыми выдающимися произведениями отечественной и мировой литературы.

В своем не менее известном романе «Москва 2042» Владимир Войнович изобразил будущую столицу, где наконец-то «впервые в истории» построен коммунизм, правда пока что лишь в одном этом городе. Московская коммунистическая республика (МОСКОРЕП) отделена от всей остальной страны высокой оградой с колючей проволокой, а что творится на ее улицах и в головах ее жителей, читателю предстоит узнать из уст главного героя, писателя Виталия Карцева, угодившего в эту сказочную Москву с помощью машины времени.

Роман был написан в 1986 году в эмиграции, и, по словам автора, многие его реалии нашли свое неожиданное воплощение в современном обществе.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ВОЙНОВИЧ
МОСКВА 2042

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ольга Золотова, Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.02.2020. Формат издания 75 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 19,74.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-VAK-26318-01-R